

*Джону,
за его помощь в создании Бин
и за его любовь к ней.*

Безупречная и незатейливая
правда редко безупречна и никог-
да не проста.

Оскар Уайлд

Глава 1

Моя сестра спасла мне жизнь, когда я была маленькой. Вот что тогда случилось. После семейной ссоры мама решила среди ночи уехать с нами из дома. Она положила меня в сумку для переноски детей, поставила ее на крышу машины и стала укладывать какие-то вещи в багажник, а затем усадила на заднее сиденье Лиз, которой было три года. В то время у мамы был трудный период жизни, много было такого, о чем следовало подумать — безумие, безумие, безумие, говорила она позднее. Совершенно забыв обо мне — мне было всего лишь несколько месяцев, — мама тронулась с места.

Лиз звала меня, показывая на крышу автомобиля. Сначала мама не поняла, что говорит Лиз, но потом, сообразив, что наделала, ударила по тормозам. Сумка съезжала вперед на капот, но поскольку я была привязана, со мной все было в порядке. Я даже не плакала. Впоследствии, когда бы мама ни рассказывала эту историю, которую находила забавной и изображала в драматических деталях, ей нравилось благодарить добрую Лиз за ее ум. Если бы не сестра, то эта сумка слетела бы вниз и со мной было бы покончено.

Лиз живо помнила все это, но не считала смешным. Она спасла меня. Вот какой сестрой была Лиз.

И вот почему, когда ночью началась вся эта кутерьма, меня не беспокоило то, что мама уехала на четыре дня. Я больше волновалась из-за наших пирогов с курицей.

Я ненавидела, когда корочка на наших пирогах с курицей подгорала. Но таймер в тостере духовки сломался, так что в этот вечер я посматривала на маленькое стеклянное окошко, потому что как только эти пироги начинали становиться коричневыми, за ними надо было следить.

Лиз сидела за столом. Мама уехала в Лос-Анджелес, на какое-то прослушивание в студии звукозаписи на роль певицы бэк-вокала.

— Думаешь, она получит работу? — спросила я сестру.

— Понятия не имею, — ответила Лиз.

— А я думаю, да. У меня есть хорошее предчувствие.

Мама вообще часто уезжала в город с тех пор, как мы приехали в Лост-Лейк, маленький город в Колорадо-Дезерт, в южной Калифорнии. Обычно мама уезжала на одну или две ночи, но никогда не уезжала так надолго. Мы не знали точно, когда она должна вернуться, и поскольку телефон был отключен — мама спорила с телефонной компанией из-за каких-то ее звонков на дальние расстояния, — у нее не было возможности нам звонить.

И все-таки это не казалось чем-то очень важным. Мамина карьера всегда отнимала у нее много времени. Даже когда мы были совсем маленькими, у мамы была приходящая няня или подруга, которая присматривала за нами, пока она улетала в какое-то место вроде Нэшвилла — Лиз и я привыкли оставаться одни. Ответственность лежала на сестре, поскольку ей было пятнадцать лет, а мне только исполнилось двенадцать, но я была не из тех деток, которых надо нянчить.

Когда мама уезжала, мы ели только куриные пироги. Я любила их и могла есть каждый вечер. Лиз говорила, что если у тебя есть стакан молока и куриный пирог, то у тебя имеется обед, в который входят четыре группы продуктов — мясо, овощи, крупа и молочное — в общем, совершенная диета.

Пироги было весело есть. У каждой из нас был свой собственный пирог в аккуратной тарелочке из фольги, и с ним можно было делать все, что угодно. Мне нравилось разламывать корочку и смешивать вместе кусочки моркови, горошек и желтый жирок. Лиз считала, что смешивать все вместе — это дикость. Корочка становилась мокрой, а для сестры самым вкусным в этих пирогах был контраст между хрустящей корочкой и начинкой. Лиз предпочитала оставлять корочку нетронутой и отрезала каждый кусок в форме изящного клинышка.

Как только корочки пирогов становились золотисто-коричневыми, а их краешки становились почти подгоревшими, я говорила сестре, что все готово. Она вынимала пироги из духовки, и мы садились за пластиковый стол.

Во время обеда, когда мама уезжала, нам нравилось играть в игры, которые придумывала Лиз. Одна игра называлась «Жуй — Плюй». Надо было дождаться, когда у другого участника игры был полный рот еды или молока, и тогда ты старался заставить его рассмеяться. Иногда я смеялась так сильно, что молоко выливалось у меня из носа.

Другая игра, которую изобрела Лиз, называлась «Ложь». Один человек произносил два утверждения — одно правдивое, второе лживое, другой человек задавал пять вопросов об этих утверждениях, и потом должен был предположить, какое из них лживое. Обычно Лиз выигрывала и в этой игре, но, как и в

«Жуй — Плюй», не важно было, кто выиграл. Весело было просто играть. Этим вечером я развлечься, потому что придумала то, что мне казалось невероятно трудной задачей: когда лягушка глотает, ее глаза проваливаются в рот, а еще — у лягушки зеленая кровь.

— Это легко, — сказала Лиз. — Зеленая кровь — ложь.

— Просто не верится, что ты сразу догадалась!

— Мы разрезали лягушек на уроках биологии.

Я продолжала говорить о том, как смешно и чудно, что лягушка пользуется глазами для глотания, когда мама вошла в дверь, с белой коробкой, перевязанной красным шнурком, в руках.

— Лимонный пирог для моих девочек! — объявила она, поднимая коробку. Лицо ее сияло, она легкомысленно улыбалась. — Особый случай, потому что наша жизнь вот-вот изменится.

Мама нарезала пирог, раздала нам по куску и стала рассказывать, что когда она была на звукозаписывающей студии, то встретила одного человека. Марк Паркер был продюсером звукозаписи пластинок, он сказал, что она не должна выступать певицей бэк-вокала. У нее слишком характерный голос, чтобы стоять за спиной солистов.

— Марк объяснил, что я создана не для того, чтобы играть вторую скрипку для кого бы то ни было, — добавила мама. У нее есть качества звезды. В тот же вечер он пригласил ее на обед, и они разговаривали о том, как помочь ее карьере. — Он очень остроумный и забавный, — сказала мама. — Вы будете в восторге от него.

— Это серьезно или пустая болтовня? — спросила я.

— Осторожнее, Бин, — сказала мама.

Бин — не настоящее мое имя, но все так меня называют. Бин.

Это не я придумала. Когда я родилась, мама назвала меня Джин, но когда меня увидела Лиз, то назвала меня Джин-Бин, потому что я была крошечной, как фасолинка, и потому что это было в рифму — Лиз всегда все рифмовала — и потом мое имя укоротилось до Бин. Но иногда Лиз называла меня Бинерище, или Бин — Голова Фасольная, или, когда я принимала ванну, Чистюлька-Бин, или Тощая Бин, потому что я была очень худой, или Королева-Бин, просто чтобы мне было приятно, или Упрямница-Бин, если я была в плохом настроении. Однажды я отравилась какой-то едой, и она назвала меня Гриин Бин (Зеленая Бин), а потом, позже, когда мне стало еще хуже и я уже обнимала унитаз, назвала меня Гриинище Бин.

Лиз не могла удержаться, чтобы не играть словами. Вот почему она любила название нашего нового города, Лост-Лейк¹.

— Давайте поищем это озеро, — говорила Лиз. — Интересно, кто его потерял? Может, озеро должно спросить, куда ему идти?

Мы приехали в Лост-Лейк из Пасадены четыре месяца назад, в 1970 году. Мама утверждала, что перемена декораций должна дать нам свежий старт на следующие десять лет.

Город был очень чистеньkim, по моему мнению. Большинство живущих тут людей были мексиканцами, они держали кур и коз у себя во дворах, где и сами практически жили, готовя на гриле и танцуя под мексиканскую музыку, которая громко трубила из радиоприемников. По пыльным улицам бродили

¹ Затерявшееся озеро (англ.) — Здесь и далее примеч. пер.

кошки и собаки, оросительные каналы несли воду на поля с посевами. Никто косо не смотрел на тебя, если ты надевал поношенное платье старшей сестры или если твоя мама ездила в старом коричневом «Дарте». Наши соседи жили в небольших глинобитных домах, а мы арендовали бунгало из шлакоблоков. Это была маминская идея покрасить блоки в бирюзовый цвет, а дверь и подоконники — в оранжевый.

— Давайте даже не притворяться, что мы хотим смешаться со всеми, — сказала она.

Мама была певицей, сочинительницей песен и актрисой. Правда, она никогда не снималась в кино и не записывала пластинок, и ненавидела, когда ее называли «подающей надежды». По правде сказать, она была старше людей, о которых так писали в киножурналах, которые она покупала. Скоро ей должно было исполниться тридцать шесть лет, и она выражала недовольство тем, что певцы, такие, например, как Дженис Джоплин и Джони Митчелл, были по крайне мере на десять лет моложе ее.

Однако мама всегда утверждала, что ее большой прорыв прямо тут, за углом. Иногда после прослушивания ей отказывали, но обычно она приезжала домой и, качая головой, говорила, что парни на студии, эти уставшие критиканы, хотели еще раз посмотреть, как она пробьется. В общем, маминой карьере не приносила большие доходы — пока что. Мы жили на ее наследство. Денег не хватало, и, когда мы приехали в Лос-Лейк, бюджет наш был скромным.

Когда мама не ездила в Лос-Анджелес — что было утомительно, поскольку ехать надо было около четырех часов в каждом направлении, — она любила долго спать и проводить день, сочиняя песни, играя их на одной из ее четырех гитар. Ее любимая, «Зимэйтис», стоила приблизительно так же, как годовая плата за

аренду. Еще у нее были «Гибсон Южный Джабмо», «Мартин», медового цвета, и испанская гитара, сделанная из бразильского палисандр. Если мама не пела свои песни, то работала над музыкальной пьесой, основанной на ее жизни. Пьеса эта была об ее уходе из чопорной, консервативной семьи южан, о разрыве с мужем и о связи со смертельно усталыми дружками — вместе со всеми усталыми скандалистами, которые не дотягивали до уровня настоящего дружка, — и о том, как она обнаружила свое истинное призвание в музыке. Мама назвала пьесу «Находка волшебства».

Мама всегда говорила, что тайна процесса творчества состоит в том, чтобы найти волшебство. Это, говорила она, так же нужно было искать и в жизни. В музыкальной гармонии, в каплях дождя на твоем лице и солнце на твоих голых плечах, в утренней росе, от которой промокают тапочки, в полевых цветах, какие ты собираешь вдоль дороги, в любви с первого взгляда и в грустных воспоминаниях о том, кто ушел.

— Найди волшебство! — восклицала мама. — И если не можешь найти его, тогда сам создай.

Маме нравилось говорить, что мы трое — волшебство. Она уверяла нас, будто неважно, насколько известной она стала, ничто никогда не будет более важным для нее, чем две ее девочки. Мы племя троих. Три — совершенное число. Святая Троица, три мушкетера, три Волхва, три поросенка, три комика, тройное «ура», три чуда. Мы трое — это все, что нам нужно.

Но это не удерживало маму от того, чтобы уезжать на свидания с приятелями.

Глава 2

Несколько следующих недель мама повторяла, что Марк Паркер «открыл» ее. Она говорила об этом, будто в шутку, но можно было бы сказать, что это была своего рода сказка, которая ей нравилась. Это было мгновение волшебства.

Мама начала чаще ездить в Лос-Анджелес — иногда на день, иногда на два-три дня — и когда возвращалась, то была переполнена рассказами о Марке Паркере. Он необыкновенный парень, утверждала она. Он работал с ней над партитурой пьесы «Найди Волшебство», сокращая стихи, подталкивая ее к правильной фразировке и шлифовке пьесы. Фактически Марк был автором многих стихов, говорила она нам. Однажды она привезла нам альбом и вытащила оттуда листы нотной бумаги. Марк обвел стихи любовных песен и нацарапал рядом с ними: «Я писал это о тебе уже до того, как встретил тебя».

Специальностью Марка была аранжировка. Однажды мама привезла второй альбом группы «Токинс», с их хитовой пластинкой «Ночью лев спит». Марк делал аранжировку этой песни, которую записывали дважды. Сначала «Токинс» не хотели использовать версию Марка, но он уговорил их и спел что-то на бэк-вокале. Если прислушаться, то можно услышать его баритон.

Мама была все еще весьма хороша. Она стала королевой на встрече выпускников ее школы в Виргинии, где она выросла, и можно было понять почему. У нее были большие глаза орехового цвета, волосы с прядями цвета солнца, дома она завязывала волосы «хвостиком», но когда ездила в Лос-Анджелес, то расчесывала и взбивала их. За годы мама прибавила несколько фунтов, но утверждала, что вес придает ей раскованности, а певице это никогда не помешает.

Марку нравилась ее внешность, говорила нам мама, и после того, как она начала встречаться с ним, она стала выглядеть моложе и легче двигаться. Когда она приезжала домой и описывала, как Марк катал ее на яхте или запекал устрицы и как она учila его танцевать, глаза ее оживлялись. Маму звали Шарлотта, и Марк изобрел для нее коктейль из персиковой водки, бурбона, гренадина и колы, который назвал «Потрясающая Шарлотта».

Однако не все в Марке было совершенным. У него имелась и темная сторона, объясняла мама. У него бывало плохое настроение, как у всех настоящих художников, но такое бывало и у нее, и им, в их сотрудничестве, приходилось переживать моменты бури. Иногда мама звонила Марку — она оплатила долги, так что у нас снова работал телефон, — и мы с Лиз слышали, как она кричит в трубку что-то вроде — «Эту песню нужно заканчивать аккордом, но не уменьшать силу постепенно!» или «Марк, ты слишком много го ждешь от меня!» Это творческие разногласия, объясняла мама. Марк готов был сделать пленку к показу ее лучших песен для больших дисков, и было естественно, что у настоящих художников возникают страстные споры, когда наступает срок окончания работы.